

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ИРИНЫ МЕЛЬНИКОВОЙ –
ПРЕКРАСНЫЕ ИСТОРИИ О ВЕРЕ, НАДЕЖДЕ
И ЛЮБВИ:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой
Грех во спасение
Александра – наказание Господне
Невеста по наследству
Фамильный оберег. Закат цвета фламинго
Фамильный оберег. Отражение звезды
Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!
Ржавый Рыцарь и Пистолетов
Дикая Лиза
Нянька для олигарха
Мой ласковый и нежный мент
Колечко с бирюзой
Несконченный романс
Роман с Джульеттой
Горячий ключ
Формула одиночества
Стихийное бедствие
От ненависти до любви
Небо на двоих

**В соавторстве
с Георгием Ланским:**

Ключи Пандоры
Лик Сатаны
Ярость валькирии

**Сериал
«Агент сысшной полиции»:**

Агент сысшной полиции
Талисман Белой Волчицы
Финита ля комедия
Сибирская амазонка
Бесы Черного Городища

ИРИНА
МЕЛЬНИКОВА

ФАМИЛЬНЫЙ ОБЕРЕТ

ОТРАЖЕНИЕ
ЗВЕЗДЫ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Оформление серии *С. Курбатова*

Мельникова, Ирина Александровна.

М48 **Фамильный оберег. Отражение звезды:** [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Любовь, интрига, тайна).

ISBN 978-5-699-99829-6

Это казалось невероятным, но Татьяна очень точно указала археологам место на карте, где ее дальний предок, князь Мирон Бекешев, триста лет назад построил крепость. Она впервые прилетела в Сибирь, но все здесь было ей знакомо. Эти горы и долины, что она увидела то ли во сне, то ли наяву... Руководитель экспедиции Анатолий, бредивший раскопками, верил всем рассказам Татьяны. В ней текла древняя кровь гордой сибирской княжны Айдыны, девушки-воина, страстно и горячо полюбившей Мирона, который приехал покорять новые земли. Татьяна словно воочию видела, какие страсти разгорались здесь в былые времена. Ведь не зря она не снимая носила серьги и перстень, когда-то принадлежавшие княжне...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99829-6

© Мельникова И., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Когда-то крепкие царства стояли в кыргызской степи. Тучные стада паслись у подножий горбатых сопок. Быстроногие табуны, сминая ковыль, пронеслись вихрем в облаках пыли, багровой в лучах заката. На мгlistом седом горизонте щетинились, словно копья несметного войска, острые пики гор. А над синей по окоему вечерней степью заунывно рыдал пастуший рог, глухо урчало эхо, дробясь в распадках, поросших редким лесом.

Над кошменными юртами вился дымок. Пах он пряными травами, что отгоняли нечистую силу. В юртах рождались и умирали, смеялись и плакали, варили жирную похлебку и сытную кашу. Ели сами, кормили детей, угощали гостей, потчевали злых и добрых духов. Поклонялись древним камням с суровыми ликами, приносили жертвы богам.

Кости стариков покоились в земле; объятия молодых были неистовыми, стоны — сладостными, а слезы — горячими. В исступлении извивались тела, страстные вопли будили зарю. Свет звезд отражался и пламенел в глазах влюбленных. А после рождались

дети. Столь же буйные и сильные, ловкие и яростные — как в битве, так и в любви.

Туманы кочевали в долинах; росы покрывали траву; после щедрых ливней разноцветные радуги повисали над степью.

Большая вода несла торговые парусники. Шли по горным тропам через перевалы конные и верблюжьи караваны купцов. Везли товары со всего света. Шумели богатые ярмарки: отбрасывала золотые блики посуда с далекого Инда, звонко ржали тонконогие арабские скакуны, били по рукам барышники-ногайцы, раскладывали шелка-бархаты бухарцы. Жажда наживы сводила к одному котлу прокаленного горячими ветрами араба, смуглого перса и узкоглазого сына Поднебесной.

А из глубин Азии, будто ветром сорное семя, поднимались несметные орды номадов и мчались по степи, неся смерть и разрушения. Лбами бревен, окovaných железом, разбивали городские стены, на развалинах строили свои крепости, заводили свою торговлю, на костях побежденных утверждали свое владычество.

Но следом накатывали новые завоеватели. Тьмы и тьмы необузданных полчищ с диким ревом и ржанием, лаем и топотом, взмахом клинков и заревом пожарищ втаптывали в землю вчерашних победителей и кровью смывали их веру, законы и саму память о них...

В тучах песка и сами несметные, как песок, они текли, гонимые властной рукою своих ханов, текли и завивались на бродах и кормных пастбищах, как песок завивается вокруг серых камней.

От топота коней, от скрипа и грохота арб дрожала и стонала земля.

Неслись по ветру сухие листья и шары перекаати-поля, и, следом, как солома, пролетала жизнь...

Несчетные орды надвигались на степь и таяли, превращаясь в затейливую дымку, исчезающую бесследно, когда приходил тому час. Оставалась о них лишь память людская — память недобрая, цепкая, страшная.

Но выносливый и упрямый народ — степняки! Подобно горькой полыни, они пышно и отважно прорастали вновь и вновь, сколько ни заливали их кровью, ни топтали копытами. Ведь и полынь не дает цвета годами, а потом вдруг, вопреки всему, поднимется, расцветет, а дух какой по степи пойдет... Запах этот, ни с чем не сравнимый, — запах бесконечности, вольного ветра, вечной жизни... И любви!

ГЛАВА 1

Лайнер заходил на посадку над бурыми сопками. Мелькнула гладь реки. Ключья облаков плыли над городом, который стремительно приближался. Еще пара мгновений, стук шасси о бетон... И понеслась навстречу взлетная полоса.

Самолет подрулил к зданию аэровокзала — столь же серому и печальному, как все вокруг. Стюардесса попросила оставаться на местах до полной остановки двигателей. Косые струи дождя ползли по иллюминатору, размывая картинку за стеклом: серая трава, серые кусты, серый металлический забор... Татьяна вздохнула. Лето в Хакасию не торопилось. Но тут она увидела Анатолия в мокрой куртке, с огромным букетом в руках. Служащий в форменном комбинезоне, преградив ему путь, показывал на здание аэропорта, видно, объяснял, что нельзя встречающим находиться на летном поле. Археолог в ответ оживленно жестикулировал, улыбался и кивал на самолет. Затем приложил телефон к уху. И тотчас в кармане Татьяны весело затренькало.

— Таня, ау! — радостно прозвучало в трубке. — Как долетела?

— Хорошо долетела! — засмеялась она в ответ. — Жива!

— Ты не спеши, я сейчас поднимусь в самолет, — сообщил Анатолий.

Она облегченно вздохнула.

Все опасения, уныние, страхи смыло бурным потоком его энергии, которая ощущалась даже на расстоянии. Казалось, и тучи расступились под этим мощным напором, пропустив лучи солнца. И сразу все преобразилось. Засверкало, засияло, заискрилось, заиграло многоцветьем красок и запахов. Да, именно запахов, потому что в это время открыли выходной люк, и пассажиры потянулись к нему. Татьяна взялась за костыли. Одна из бортпроводниц тотчас бросилась к ней.

— Вам помочь?

Татьяна не успела ответить. Держа букет над головой и лавируя между пассажирами, к ней протиснулся Анатолий.

— Танюша! Вот и я! — возвестил он на весь самолет.

Вручив ей мокрый букет, подхватил на руки и направился к выходу. Следом едва поспевала стюардесса с костылями в руках. Татьянина коляска уже дождалась хозяйку недалеко от трапа, а рядом с ней стояла краснощекая скуластая девушка в джинсовом комбинезоне и каучуковом плантаторском шлеме.

— Люся, подъезжай! — крикнул сверху Анатолий.

Через минуту Татьяна сидела в коляске. Краснощекая девушка улыбнулась ей.

— Люсей меня зовут. Я — ассистент Анатолия Георгиевича.

— А меня Таней, — кивнула Татьяна. И посмотрела на Анатолия. — Кажется, я плохо себе представляла, во что ввязалась.

— Что значит «ввязалась»? — удивился он. — Самое страшное позади! Ты в Хакасии, на родине предков! Радоваться надо, а ты, вон, нос повесила!

— Я буду тебе обузой! — Татьяна виновато улыбнулась. — Я на костылях едва передвигаюсь...

— Какие костыли? — Анатолий прищурился. — Мы тут живо заставим тебя бегать!

— Твой оптимизм меня пугает, — нахмурилась Татьяна. — Лучше уж горькая правда, чем сладкая ложь!

Анатолий смерил ее взглядом.

— А твой пессимизм настораживает. Слезами болезнь не победишь.

— С чего ты взял, что я плачу? Лучше настраиваться на худший вариант, а там посмотрим. По крайней мере, не обидно будет...

Отправив Людмилу получать Татьянин багаж: саквояж, складной мольберт и ящик с красками и кистями, Анатолий повез Татьяну к выходу с летного поля. У ворот толпились встречающие и бодрые таксисты, предлагавшие подбросить куда душе угодно. Но таксисты остались несолоно хлебавши. Анатолия окликнул молодой, но уже седой мужчина в камуфляже, пожал ему руку, кивнул Татьяне и сказал, что машина ждет на стоянке.

— Знакомься, Таня! Мой друг Борис, — представил его Анатолий. — Служит в МЧС и всегда выручает с машиной. Она у него даже по воде аки посуху летает.

— В Барсучью падь? — не спросил, а уточнил Борис. — Девушка выдержит дорогу?

— Выдержит! — Татьяне не понравился тон местного спасателя. — Хуже бывало!

— Простите, — смутился Борис. — Не хотел вас обидеть. Все же пять часов перелета, ночь без сна...

— Таня, я вправду дурак. Не подумал...

С озадаченным видом Анатолий почесал в затылке.

— Давай ко мне сначала. Примешь душ, отдохнешь. Мама жаждет с тобой познакомиться.

И улыбнулся смущенно.

— Мне просто хотелось похвастаться. Все подтвердилось! Мы нашли-таки Абасугский острог! Пока снимаем дерн, делаем зачистку раскопа, но валы кое-где подмыты водой. Уже есть первые находки. Пока незначительные, но скоро, надеюсь, пойдут артефакты покрупнее и поинтереснее.

— Поедем скорее, — улыбнулась Татьяна. — Мне не терпится увидеть все своими глазами.

— В принципе, — снова запустил руку в волосы Анатолий, — в лагере мы баньку соорудили. А на жительство тебя определили в настоящую юрту к бабушке Таис.

— А вот и я!

Люся толкала перед собой тележку с вещами Татьяны.

— Все в целости и сохранности.

— Тогда по коням? — спросил Борис и, подхватив багаж, направился к машине — выдавшему виды внедорожнику.

— По коням! — Анатолий вновь подхватил Татьяну на руки, хотя, видит бог, до машины вполне можно было добраться на коляске. Татьяна не успела даже запротестовать. Впрочем, ей было уютно в этих крепких руках. Анатолий донес ее до машины, проделав это легко и с явным удовольствием.

Женщина всегда чувствует расположение мужчины, особенно если оно переросло в симпатию. Судя по всему — взаимную. Теплое дыхание касалось ее лица. Даже сквозь куртку она ощущала биение его сердца. Левой рукой он поддерживал ее под колени, правой прижимал к себе. А когда посадил на заднее сиденье, то склонился так близко, что она разглядела крошечную родинку на виске. Очень опасно склонился. Почти поцеловал. И глаза сверкнули опасно, отчего забилося сердце. Быстро-быстро, словно птица в силках.

Татьяна мигом одернула себя. Могло ведь и показаться. Она тревожно смотрела в черные, точно спелая смородина, глаза и не могла понять, что ей сулит ответный взгляд. Острый, пронзительный, горячий... От которого пробирает дрожь, от которого нет спасения, разве что спрятать голову в песок? Но и так, наверно, не спастись...

Со стороны ситуация, разумеется, выглядела комично. Анатолий, согнувшись, наполовину в машине, но все еще держит в объятиях гостью. Она, обхватив его за шею, забыла, что нужно убрать руку. Его пальцы коснулись ее щеки. Едва заметно коснулись. Но оба вздрогнули. А лица их были так близко друг от друга, что впору кричать «Горько!».

Но Борис, видно, не понял, потому что прокричал другое:

— Толик, чего там возишься? Поехали! Охота по жаре добираться?

Анатолий живо выпрямился, обежал машину, и устроился на заднем сиденье около Татьяны. Люся расположилась рядом с водителем. Шлем она сняла. Под ним прятался мальчишеский упрямый ежик.

Она провела ладонью по голове. Заметив взгляд Татьяны, засмеялась:

— Смешно? Зато не жарко! Мы ведь весь световой день в поле. Спешим! А то вдруг дожди зарядят, зальет раскопы водой.

— Тьфу на тебя! — махнул рукой Анатолий. — Язык у тебя, Людмила, как помело. Наговоришь тут: дожди... зальет...

— Обижаете, командир! — надулась девушка. — Я ведь о деле болею!

— Ты, Люсь, на грубость нарываешься. Еще раз о дожде вспомнишь, уши оторву!

Анатолий показал ей внушительный кулак. Люся смерила его негодующим взглядом, фыркнула и отвернулась.

Татьяна про себя подивилась подобной манере общения руководителя и ассистента. Но Анатолий поспешил разъяснить ситуацию.

— Люська — моя племянница. Дочь старшей сестры. Кандидатскую пишет, а по жизни пацан пацаном.

— А ты — не руководитель, а узурпатор, — парировала Люся и бросила через плечо: — Это он перед гостями — пушистый зайчик. А с аспирантами — серый волчище. Вкалываем, как рабы на плантациях. Как только солнышко взошло — подъем. Быстрый завтрак, кайла в руки — и пошел! И так каждый день: от рассвета до заката!

— Орешек знаний тверд, но мы не привыкли отступать, — ухмыльнулся Анатолий. — Нам расколоть его помогут кайла и аспирантов рать! — И похлопал племянницу по плечу. — Ты знала, какую профессию выбирала. Чего жалуешься? Таня ведь не ревизор из Академии наук.

— На тебя бесполезно жаловаться! — снова фыркнула Люся.

Борис покосился на нее.

— Что-то не похоже на тебя, Людмила? Чего с утра ополчилась на Толика?

— Раиса вчера звонила, — буркнула Людмила. — Мозги снесла...

— Что опять?

Татьяна почувствовала, как напрягся Анатолий.

— Говорит, до пяти лет ей грозит. Просит, чтоб забрали заявление.

— Как она это себе представляет? — лицо Анатолия миг изменилось. — Разве она у меня украла?

Радостное оживление словно стерли ластиком. Он нахмурился.

— Нужно было думать, когда лезла в музейные запасники, как в свой карман. Теперь пусть отвечает по закону.

— Она говорит, что это повод отнять у нее сына, — тихо сказала Люся.

— Глупости! — Анатолий покраснел от негодования. — Она не думала о сыне, когда пошла на преступление. Если ее осудят, естественно, я заберу сына к себе.

— Она не воровала, — Люся резко повернулась. — Раиса говорит, что не хватало денег на путевку Кирыше, и она просто на время сдала часы в ломбард. Потом бы выкупила с отпускных.

— Раиса получала солидные алименты, так что ее разговоры — сплошное вранье! Я мог бы заплатить за путевку. Но она ко мне не обратилась. И, как выяснилось, не в первый раз использовала хранилище как личный чулан. — Анатолий с виноватым видом по-

смотрел на Татьяну. — Вот так, сразу, с места в карьер... В самую помойку наших проблем!

— Раиса, конечно, женщина непростая. Характер — врагу не пожелаешь, — подал голос Борис, — но жизнь ее наказала.

— Жизнь ее еще не наказала, — устало сказал Анатолий. — Пока она под следствием и под подпиской о невыезде.

Татьяне очень хотелось узнать, кто такая Раиса? Если у нее сын от Анатолия, то наверняка его бывшая жена? Бывшая, потому что Анатолий платит алименты. Но в разводе ли он с женой?

Честно сказать, за год знакомства они ни разу не заводили разговор о своем семейном положении. Ее отношения с Виктором пришли к закономерному концу еще в больничной палате. Анатолий не носил обручального кольца. Но спросить, женат ли он, Татьяна не решалась. Жизнь научила ее не верить в радужные перспективы. Не строить далеко идущие планы. Не мечтать и не обольщать себя надеждами. Она — жалкий инвалид, жертва собственной беспечности. Анатолий, верно, навещал ее из жалости. Зачем ему обуза? Женщина, которая едва-едва передвигается с помощью костылей и не в состоянии самостоятельно спуститься с крыльца.

С другой стороны, с какой стати он возится с ней? Пытается смягчить чувство вины? Но он ни в чем не виноват. Ни в том, что она стала калеккой, ни в том, что ее жизнь пошла под откос. Обычный свидетель дорожно-транспортного происшествия. Правда, равнодушный свидетель: успел вытащить ее из машины до того, как та загорелась, оказал первую помощь, дождался приезда «Скорой» и машин ГИБДД.